Вадим Шевченко

Тишина между нами

Вадим Шевченко
Тишина между нами

https://litres.ru/74874273
SelfPub; 2026

Аннотация

На кладбище приходят не к земле и не к высшим силам — туда приходят к себе. Холодный гранит и металлическая табличка работают лишь как физическая закладка, которая открывает нужную страницу в голове.

В сумерках позднего октября городской шум вязнет в кронах, а привычный мир замирает в «ватной тишине». Здесь каждый видит только то, к чему готов изнутри. Для кого-то это просто мокрый гравий, ржавчина на оградке и пустая скамейка. Но если утихомирить дневную суету и перестать спасаться мелкими делами, память сама соберёт знакомый образ — с запахом старой брезентовой куртки, сухим печным теплом и возможностью наконец договорить то, что не успели при жизни.

«Тишина между нами» — честная, светлая повесть в двух вечерах о том, как проживается утрата и рождается принятие. О праве каждого на свой угол света. И о том, как важно иногда сделать два шага назад, чтобы не спугнуть чужую тишину.

Содержание

Предисловие 4
Вечерний этикет 6
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Вадим Шевченко
Тишина между нами

Предисловие

Мы приходим на кладбище не к земле и не к камню.

Пока идёшь от ворот по центральной аллее, в голове ещё крутится обычный день: недоделанные дела, обрывки разговоров, гул дороги за спиной. Но стоит свернуть в узкий проход между оградками, как звук вокруг меняется. Городской шум вязнет в густых кронах, и на этом фоне каждый мелкий звук становится отчётливым и громким: похрустывает гравий под подошвой, тихо скрипит калитка, пахнет прелой листвой, сырой землёй и остывающим к вечеру металлом. Внутренняя суета понемногу оседает.

Холодная плита, старая оградка или выцветшее фото на овале — это просто закладка. Обычная точка, за которую цепляется глаз, чтобы внутри головы сама собой открылась нужная страница.

А дальше у каждого происходит своё — в зависимости от того, с чем ты сегодня пришёл.

Кто-то молча протирает буквы влажной тряпкой, поправляет цветы и не чувствует вообще ничего — просто тихая, привычная дань уважения, без боли и без откровений. Ко-

го-то накрывает так, что перехватывает горло: внутри всё ещё слишком свежо, и тебя сбивает с ног всё, что не успел сказать при жизни. А кто-то садится на прохладную железную скамейку, щёлкает зажигалкой, смотрит на верхушки сосен — и ему вдруг становится легко. Не потому, что забыл или стало всё равно. А потому, что рядом с этим человеком всегда было надёжно, просто и тепло. И сама память о нём до сих пор греет лучше любого пледа.

Иногда мы приходим туда одни. Иногда — вдвоём, когда кто-то просто стоит рядом, молчит и не лезет в чужую тишину, потому что знает: у каждого своя страница и свой угол света, под которым её видно.

Эта книга — не про мистику и не про загробную жизнь.

Она про нас. Про то, что на самом деле творится у человека внутри, когда он остаётся наедине с собой. Про то, как наше собственное сознание — почти как во сне наяву — бережно собирает голоса, привычки и лица тех, кого мы любили. Ровно в ту минуту, когда мы сами к этому готовы.

Здесь не будет страшных историй и дешёвых эффектов. Будет только вечерний воздух, треск сухой ветки под ногой, сухое тепло старых воспоминаний — и тишина, в которой впервые за долгое время становится спокойно.

Вечерний этикет

— Ты сейчас не со мной разговариваешь, Андрюх. Меня тут нет, — спокойно сказал голос, который звучал не в воздухе, а где-то глубоко внутри, словно они оба сидели в закрытой машине. — Просто голова твоя наконец-то выключила лишний шум и собрала всё, что от меня в тебе осталось.

"Пустой взгляд"

Забор кладбища отсекал город не сразу.

Сначала ещё был слышен низкий, тягучий гул трассы — ровный, как работающий где-то за стеной холодильник. Потом, метрах в пятидесяти от главных ворот, звук начинал вязнуть в сыром вечернем воздухе, цеплялся за густые кроны сосен и рассыпался. И в этой ватной тишине каждый мелкий звук вдруг становился непропорционально громким: сухой хруст гравия под кроссовками, собственное дыхание, шуршание куртки.

Андрей шёл быстро, засунув руки глубоко в карманы. На часах было без десяти семь — самое пустое время в конце октября. Дневные посетители с пластиковыми вёдрами и граблями уже разъехались, а темнело в это время года быст-

ро: небо над верхушками деревьев стремительно наливалось густой, мокрой синевой.

Он приехал сюда не по зову сердца. Скорее — из-за глухого, тянущего чувства долга, которое последние пару недель сидело между лопаток как невынутая заноза. Три года. Три года, как не стало деда, а Андрей за последние полгода заезжал всего раз, на бегу, даже не заглушив двигатель у ворот.

Участок был в старой части, ближе к центру, там, где сосны росли так плотно, что их ветки смыкались над головой.

Андрей толкнул невысокую калитку. Щеколда звякнула сухо и звонко — в этой тишине звук резанул по ушам как выстрел. Он поморщился, придержал дверцу рукой, чтобы не стукнула о косяк, и шагнул внутрь.

Плита была холодной и влажной. С края на неё налипли два рыжих берёзовых листа. Андрей машинально смахнул их ребром ладони, потом зачем-то поправил давно выцветшую гвоздику в металлическом стакане, хотя она и так стояла ровно, потёр пальцем какое-то тёмное пятнышко на граните — оно оказалось просто дефектом камня. Вытер мокрые пальцы о джинсы и замер.

Ничего.

Ни кома в горле, ни светлой грусти, ни ощущения, что рядом кто-то есть. Только серый полированный камень, потемневший от сырости, две даты и выгравированный портрет, который с этого угла бликовал от серого неба так, что лица почти не было видно.

В голове продолжала крутиться дневная шелуха: непрочитанные сообщения в рабочем чате, звонок, на который надо перезвонить утром, какая-то тупая, мелкая злость на себя за то, что снова всё впопыхах.

— Прости, дед, — вполголоса сказал Андрей, и собственный шёпот показался ему чужим, плоским, как в пустой бетонной комнате. — Забегался совсем.

Он расстегнул карман куртки — молния прожужжала резко и громко — и достал зажигалку вместе с дешёвой парафиновой свечой в пластиковом стаканчике, которую купил на входе у сторожки.

Чиркнул колёсиком. Раз, другой. На третий вспыхнул короткий синий огонёк.

Андрей присел на корточки, прикрывая пламя ладонью от сырого сквозняка, и поднёс огонь к фитилю. Парафин зашипел, в нос ударил знакомый, чуть сладковатый запах тёплого воска. Огонёк неуверенно дёрнулся, присел почти до самого донышка, но удержался — и вытянулся в ровный, тонкий язычок.

Андрей поставил стаканчик в угол плиты, сел на узкую, облупленную железную скамейку напротив. Холод мокрого металла сразу пробрался сквозь джинсы. Он положил руки на колени, выдохнул и перестал куда-то спешить.

Шум трассы где-то там, за соснами, стал совсем далёким — как будто за спиной медленно прикрыли тяжёлую дверь.

"Якоря памяти"

Первую минуту он просто смотрел на огонёк.

Пламя в пластиковом стаканчике дышало неровно, подрагивая от сырого воздуха. В голове всё ещё по инерции докручивалась утренняя таблица, какие-то цифры, чужой раздражённый голос в трубке. Андрей потёр переносицу, чувствуя, как под глазами саднит от монитора.

Под скамейкой, зажатая между железными ножками, лежала старая полуторалитровая бутылка без этикетки — ещё с весны. Рядом в траве белела сложенная вчетверо, задубевшая от сырости тряпка.

Андрей наклонился, вытащил бутылку и поднялся. Надо хотя бы сполоснуть плиту, раз уж приехал.

Тропинка к колонке шла вниз, мимо огромного старого дуба с чёрным, глубоко растрескавшимся стволом. Андрей проходил мимо него десятки раз, но сейчас, в густых сумерках, вдруг остановился на секунду.

Вспомнилось, как лет в двенадцать они с дедом попали здесь в слепой июльский ливень. Встали вплотную к этому самому стволу, под густой навес листьев. Дед тогда стянул с себя сухую брезентовую куртку, накинул Андрею на плечи, а сам остался в одной клетчатой фланелевой рубашке — и всё равно смеялся, показывая на пузыри в лужах: «Гляди, Андрюха, пузыри пошли — значит, надолго зарядил».

Андрей моргнул, прогоняя картинку, и пошёл дальше. Но рабочие чаты из головы уже выветрились — словно кто-то открыл форточку в душной комнате.

У колонки он долго качал тяжёлый чугунный рычаг. Железо лязгало сухо и гулко — в вечернем лесу этот звук разносился далеко, как удар в рельс. Наконец из носика с хрипом вырвалась ледяная, пахнущая ржавчиной струя. Вода обдала пальцы, мгновенно сведя кожу до ломоты.

На обратном пути Андрей шёл медленнее. Под кроссовками мягко, почти беззвучно продавливался толстый слой прелой листвы. В воздухе стоял плотный, горьковатый запах мокрой коры, остывающей земли и дыма — будто где-то далеко за оврагом жгли сухую ботву. И в этом осеннем запахе вдруг на секунду мелькнуло что-то до боли знакомое — как от старой брезентовой куртки, пропахшей сухой листвой и гаражом.

И тут он поймал себя на том, что на ходу, сам того не замечая, потирает большим пальцем костяшки на левой руке, пытаясь согреть задубевшие после колонки пальцы.

Точно так же всегда делал дед, когда задумывался или когда вечером крутило суставы перед сменой погоды.

Андрей замер в трёх шагах от своей оградки. Огонёк в стаканчике за это время разгорелся сильнее и теперь ровно, по-домашнему подсвечивал нижний край гранита.

И в эту секунду мир вокруг окончательно стих.

Не потому, что за забором вдруг перестали ездить маши-

ны — просто весь внешний шум куда-то провалился, как бывает, когда в тихой комнате плотно прикрываешь окно или засыпаешь под мерный стук колёс. Низкий гул трассы исчез, и остался только один звук — лёгкий, сухой шорох опавшего листа, который зацепился за край железной калитки.

"Тсс"

Уши слегка заложило, как бывает в самолёте при снижении.

Андрей стоял с пластиковой бутылкой в руке и по привычке ждал, что сейчас снова донесётся привычный гул машин, но за соснами было пусто. Ни ветерка, ни гудков, ни далёкого лая собак из частного сектора. Только редкие, тяжёлые капли срывались с ветвей и глухо шлёпали в мокрую траву.

Он открыл калитку, поставил бутылку у скамейки и присел на корточки возле плиты, чтобы протереть её от налипших иголок.

Где-то справа, за соседней оградкой, сухо хрустнула ветка.

Андрей инстинктивно дёрнулся, резко поднял голову — и в первую секунду увидел только тёмный силуэт между стволами. Стоило вглядеться внимательнее, прищуриться, чтобы понять, кто там ходит в такой час, как картинка тут же поплыла. Глаза словно потеряли резкость, как в старом объек-

тиве, когда крутишь кольцо не в ту сторону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.